

Светлана
Демидова

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

Вся палитра нежности

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Светлана Демидова

Вся палитра нежности

«Автор»

Демидова С.

Вся палитра нежности / С. Демидова — «Автор»,

ISBN 978-5-699-50979-9

Когда она появлялась на улицах города – странная, ни на кого не похожая, – люди замедляли шаг и беззастенчиво на нее глазели. Но Галине Вербицкой не было дела ни до кого. Она – величественная и гордая – поступала только так, как хотела. В ее жизни больше не было места любви и страданиям, которые оказались неотделимы от этой любви. До тех пор, пока не настало время встречи с прошлым. Но сможет ли вновь полюбить окованное ледяной броней сердце? Найдется ли в нем место для нежности? Ранее роман выходил под названием «Белая Дама трэф»

ISBN 978-5-699-50979-9

© Демидова С.

© Автор

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Демидова

Вся палитра нежности

Часть 1

Галина Романовна Вербицкая была достопримечательностью заштатного городка под немудреным названием Григорьевск. Все свои шестьдесят с небольшим лет она прожила именно в этом городишке, но местные жители так и не привыкли к ее необыкновенной внешности. Более того, мало кто, не напрягаясь, мог вспомнить, какой она была в девчонках или молодухах. Казалось, что прямо такой она и появилась на свет: высокой, статной и величественной. Она не просто хаживала по улицам родного города. Она будто совершала державный променад, торжественно неся себя и никогда не склоняя головы. Правда, склонять голову ей было несколько неудобно. Ее, то есть голову, всегда венчала очень сложная прическа из крашенных в соломенный цвет круто начесанных волос. Они гладко стелились ото лба к затылку, где приподнимались огромным тугим шаром размером с голову Галины Романовны, а по торжественным дням он был еще крупнее. На уровне ушей к этому шару присоединялись два других, такого же размера, цвета и той же степени начесанности. Спереди причудливое сооружение утыкалось разноцветными заколочками: пластиковыми или матерчатыми розочками или бабочками, не столько по сезону, сколько по настроению и гармонии с не менее сложным, чем прическа, туалетом. Но переходить на туалет еще рано, потому что про прическу сказано далеко не все: на затылке – точнехонько между шарами – обычно помещалась либо огромная шелковая черная роза, которая единым махом скрывала арматуру, на которой все держалось, либо прихотливый веночек из белых и черных перьев. Иногда вместо розы или перьев затылок Галины Романовны украшала связка крутых белокурых локонов, которые сделали бы честь Ольге Лариной, по чьей вине, как вы знаете, погиб поэт Владимир Ленский.

Поскольку Галина Романовна, как уже отмечалось, была женщиной стройной и имела вполне лебединую шею, то издали абрис ее головы живо напоминал карточную трефу. Сходство стало бы полным, если бы Вербицкая красила свои кудри в черный цвет. Но она, видимо, считала, что темные волосы старят, а потому предпочитала оставаться блондинкой. В общем, по Григорьевску ежедневно прогуливалась Белая Дама Треф, как ее, собственно, и величали втихоря местные жители.

Лицо Галины Романовны, безусловно, стоит рассмотреть повнимательней. Если вы подумаете, что она была какой-нибудь страшилкой, то сразу и ошибетесь. Вообще-то черты ее лица уже трудно было разобрать под толстым слоем грима. Каждый знает, что некрасивое лицо неумеренная косметика уродует еще больше. Лицо Вербицкой, которой шел седьмой десяток, было настолько хорошо, что каждый старался рассмотреть его, как бы вылуцив из белил, пудры, румян, туши и помады. А вылуцивать было что. У Дамы Треф были красивые голубые, совершенно не потускневшие от времени очи, тонкий аристократичный нос, правильной формы губы.

Но ничего правильного Галина Романовна на дух не переносила. У нее все должно быть особенным, таким, чтобы хорошо просматривалось издали. Она часто красила веки яркими синими тенями. В такие дни прическа соответственно утыкалась синими розочками. Если же душа Белой Дамы Треф требовала совершеннейшим образом вычернить веки, то яркие розочки сменялись многочисленными заколочками. Но... голубого цвета. Да! Цвет глаз ведь со счетов не сбросишь. Надо, чтобы что-нибудь было им в тон. Ресницы Галина Романовна красила очень обильно, а стрелки в уголках глаз сделали бы честь уже не столько провинциальной барышне Ольге Лариной, сколько самой царице Нефертити.

Губы Вербицкая чаще всего покрывала очень яркой морковной помадой благородного матового тона. Никакого блеска! Она очень любила увеличивать размер верхней губы миллиметра на два, так тщательно прокрашивая эти лишние миллиметры, что с ходу было и не разобрать: где, собственно, еще продолжалась губа, а где уже кончалась. Выемка от носогубной впадины Галине Романовне, видимо, совершенно не нравилась, а потому она делала ее еле заметной тоненькой щелочкой. С одной стороны, она как бы есть, на всякий случай, а с другой – будто бы и нет вообще. Ну а нижняя губа на то и была нижней, что ей хватало и одного дополнительного миллиметра. Чего зря помаду переводить?

Лицо Белая Дама Треф очень обильно смазывала сначала жирным кремом, потом тональным – благородного персикового цвета, а на скулы добавляла еще и румян – всегда тон в тон морковной помаде. Благодаря обилию скользких притираний морщинки на лице Галины Романовны казались отлакированными и будто бы специально наведенными для красоты, под стать острым стрелкам на веках.

Самыми любимыми цветами, которые Вербицкая использовала в своих туалетах, были белый, черный, красный, розовый и всегда золото или серебро – на отделку. Ярко-голубой, как уже говорилось, использовался в качестве легких вкраплений в прическе и в виде массивных многоярусных бирюзовых бус. Их у Дамы Треф имелось две связки. Одна состояла из двух нитей и была покороче. Вербицкая надевала ее на шею, всегда открытую почти в любую погоду, и завязывала узлом, который устраивался во впадинке между ключицами. Вторую, более длинную и крупную трехрядную связку, Галина Романовна тоже завязывала мощным узлом и укладывала в ложбинку аккуратного бюста.

Нынешним осенним, но еще довольно теплым днем бюст Вербицкой был упакован в белый кружевной бюстгальтер, который каждый желающий мог беспрепятственно обозреть под узкой блузочкой из черной жатой синтетики, которая, натягиваясь на теле Галины Романовны, делалась дымчато-прозрачной. Сверху блузочки Дама Треф надела небрежно расстегнутый короткий парчовый пиджачок, затканый золотистой нитью. А для особой изысканности на плечи прозрачный ярко-розовый платок, края которого были прихотливо изрезаны и напоминали языки пламени. Чтобы платок не съезжал при ходьбе и резких движениях, Вербицкая заколола его на плече той самой черной розой. Для прически роза сегодня была не нужна, поскольку хватило перьев.

Так как ни один предмет туалета Белой Дамы Треф не существовал сам по себе, а был деталью тщательно продуманной композиции, то и юбка на ней не могла быть абы какой. Она была длинной, по щиколотку, ярко-розовой, как платок на плечах, легкой и жатой, как блузочка под пиджачком, и многоярусной, как бусы.

Крупная сумка, которую Галина Романовна носила, перекинув через плечо, была еще более розовой, чем платок и юбка, и отделана широким золотым кантом. На боках сумки, к сожалению, кое-где проглядывали аляповатые зеленые цветочки. Сначала Дама Треф их немножко стеснялась: все-таки цвет не ее, а потом как-то свыклась и даже полюбила за то, что они вносили некоторую чертовщинку в ее строго выверенное одеяние.

Рядом с Галиной Романовной никто никогда не видел мужчины, даже самого завалящего. Понятно, что завалящего она и сама ни за что не потерпела бы подле себя. Аккуратно поддерживать Белую Даму Треф под локоток мог бы только такой же высокий и статный, как она сама, седовласый джентльмен в усах, во фрачной паре, цилиндре и уж обязательно в лайковых перчатках. Левая должна была быть непременно розовой, другая – ярко-голубой, а тулью цилиндра опоясывала бы золотая лента, пронзенная птичьим пером.

Но в Григорьевске не было джентльменов ни во фраках, ни в перчатках...

Галочку Харину в школе звали Харей, что, разумеется, нравиться ей не могло. В ее представлении, харя непременно круглая, красная, мясистая и страшно гадкая. Личико Галочки

было худеньким, бледненьким, немножко вытянутым и вовсе не противным. И вся она, Галочка, была легонькой, тоненькой и длинненькой.

Сначала, конечно, Галочку звали просто Галей, Галькой и иногда Галындрой, на что она принципиально не откликалась. Когда они всем своим дружным коллективом перешли в пятый класс, выяснилось, что Галя Харина переросла на целую голову не только девочек, но и абсолютно всех мальчишек. Из-за чрезмерно высокого роста девочки физрук Иван Степанович вынужден был перестраивать шеренгу 5-го «Б» класса. Обычно шеренги начинали мальчики, а потом, в хвосте, к ним пристраивались девочки. Шеренга 5-го «Б» в привычном варианте выглядела неприлично, потому что где-то в середине над довольно ровным строем темных и рыжеватеньких детских головок бледной недозрелой дынькой торчала голова Хариной Галины. Иван Степанович, оглядев этот непорядок, недовольно прикрикнул и поменял местами девочек с мальчиками. И с тех пор на всех школьных мероприятиях Галочка возглавляла строй 5-го «Б». Это очень не понравилось Кольке Якушеву, который был выше всех мальчишек, а также первым абсолютно во всем. И тут вдруг какая-то недо-зрелая дыня Харина... Впрочем, нет... Образ недозрелой дыньки в мальчишеском мозгу, в отличие от мозга Ивана Степановича, не сформировался. Колька просто взял да и переименовал Гальку Галындру в Харю. Всем понравилось. Вылитая Харя во главе 5-го «Б», бледная, длинная и нескладная.

Дальше – больше. Девочки Галочкиного класса в рост тянуться особенно не собирались. Подрастали, конечно, потихоньку, но не обгоняли при этом даже самого мелкорослого Левочку Прудникова. Они больше как-то полнели и соблазнительно круглились в разных местах. Галя по прозвищу Харя оставалась тощей, длинной и угловатой, будто деревянный мальчик Бура-тино.

Когда первая красавица 9-го «Б» класса Люся Скобцева пришла однажды в капроновых чулках со швом, на ее полные и довольно коротенькие ножки с восхищением глазела вся школа. Да, в те времена в моде были плотные, низенькие девушки с хорошо развитой грудью и бедрами. Особым шиком при этом считалась тонкая, осиная талия. Галочка Харина совершенно не тянула на модный силуэт – «песочные часы». Талии у нее не было. Вернее, была, но терялась на фоне маленькой груди и по-мальчишески узких бедер.

Чтобы не отставать от первой красавицы хотя бы в туалетах, Галочка принялась кланчить у матери чулки со швом. Та поднапряглась и где-то достала для любимой дочери черную капроновую пару с иссиня-черной пяткой и черным же выразительным швом. Это был писк! Самый-самый! Черных чулок не было даже у самой Скобцевой.

Когда же Галочка надела вожаденные чулки на свои долгие ножки, то разрыдалась с горя. Черный капрон делал ее ноги еще более тонкими и ужасными. Модный жирный шов делил пополам не полненькие ножки-рюмочки, как у Скобцевой, а две тонкие чурочки, делая Галочку еще смешнее и уродливее. В общем, от модных чулок она вынуждена была отказаться. А вот от облегающих трикотажных футболок отказаться не имела права. На уроках физкультуры требовалась обязательная форма. Одноклассницы, пробегая стометровку, гордо выставляли навстречу ветру и восторженным мальчишечьим взглядам тугие мячики, а Галочка вынуждена была в усиленном режиме махать перед собой руками, чтобы отсутствие мячиков под ее футболкой не слишком бросалось в глаза. Но оно все равно бросалось. Нет! Не так! Неправильно! Галочка Харя вообще никому не бросалась в глаза. При росте метр семьдесят пять ее вроде как и не было в классе вовсе. Ее постоянно забывали пригласить на вечеринки и дни рождения, которые класс часто отмечал в полном составе. Ее никто не приглашал танцевать, когда после комсомольских собраний в актовом зале школы начинались танцы под радиолу. Для этих целей военрук Никодим Петрович приносил это чудо техники из кабинета директора в своих могучих руках полковника в отставке.

Галочка мучилась и плакала в подушку. Колька Якушев, изобретатель клички для Хариной, уже давно забыл об этом. Ему казалось, что Гальку зовут Харей с самого детского сада,

куда они когда-то ходили с ней вместе. Галочка тоже забыла, кому была обязана ужасной кличкой, потому что из Якушева к одиннадцатому классу образовался такой интересный молодой человек, что в него была повально влюблена вся женская половина их школы, включая, разумеется, и саму Галочку.

В те времена девчонки обожали из толстых тетрадей в жестких коленкорových переплетах делать некое подобие альбомов уездных барышень XIX века. Они записывали в них стихи Пушкина и Лермонтова, а также сомнительные стишата неизвестных авторов, типа:

Любовь – это главное слово,
Любовью – умей дорожить.
Люби одного, но такого,
Чтоб дня без него не прожить!

Стишата заключались в веночки из цветов, старательно раскрашенных прослужившими цветными карандашами, или в виньетки, тщательно перерисованные из «Евгения Онегина». Поскольку сии «альбомы» не являлись дневниками как таковыми, то не содержали ничего интимного, что мешало бы показать товарищу по классу. Наоборот, эти тетрадки ходили из рук в руки, и каждый желающий оставлял там запись, сообразуясь со своими наклонностями, темпераментом, интеллектом и общей эрудицией. Девушки рисовали преимущественно зверюшек, волооких красавиц и пышные букеты цветов. Парни не гнушались изображать танки «Т-34», автоматы Калашникова в сборе, а самые талантливые – могли за пару минут набросать на тетрадном листке карикатуру на кого-нибудь из школьных учителей. Страницы альбомов заполнялись песнями, цитатами из «Войны и мира» и «Как закалялась сталь», афоризмами и высказываниями великих людей по любому поводу.

Галочка тоже завела такой «альбомчик». Выбрала в магазине самую красивую тетрадку с коричневой обложкой, тисненной маленькими аккуратненькими клеточками. На первой странице она хотела, как и полагалось, указать фамилию владелицы, то есть свою, то есть – Харина. Потом, по размышлении здравом, делать этого не стала. Еще не хватало, чтобы какой-нибудь шутник из тех, кому попадет в руки ее тетрадка, подписал бы к фамилии через тире еще и гнусное прозвище. Нет уж! Конечно, можно как-нибудь покрасивее вывести собственное имя – Галина, но Галин в их классе целых четыре... Подумав еще немного, Галя Харина решила оставить свою тетрадку анонимной. В конце концов, если вдруг что – всегда можно по почерку догадаться, чей это «альбомчик».

На первой странице, для почина, Галочка переписала стихотворение Пушкина «Пророк». Ей очень хотелось написать в заветной тетрадке что-нибудь о любви, но тогда получится, что комсомолка Харина только о ней и думает, что как-то не на злобу дня. Пусть лучше одноклассники увидят, что она, как пушкинский Пророк, томится духовной жаждой. Это хорошо, это по-комсомольски.

Перевернув страничку с «Пророком», Галочка нарисовала тощий и одинокий, как она сама, василек, а под ним вдруг быстро, будто кто ее толкнул под руку, торопливо вывела: «Умри, но не давай поцелуя без любви». Н. К. Крупская», захлопнула тетрадку, засунула ее в портфель и застыла за письменным столом каменным изваянием. Она думала о том, что с полным правом могла бы «дать» Кольке Якушеву поцелуй, потому что влюблена в него самым страшным образом. А сама Крупская утверждает, что с любовью – можно. Кто посмеет оспорить ее авторитет?

Ночью Галочка долго ворочалась в постели и никак не могла заснуть. Оно и понятно: разве заснешь, если без перерыва и в разных вариациях представляется, как она «дает» Якушеву этот самый поцелуй. Сначала Галочка подумала, что «дать» – это означает самой поцеловать Кольку в щеку. Но, во-первых, где это можно сделать так, чтобы никто, кроме самого

Кольки, при этом не присутствовал? А во-вторых, что с ней, с Галочкой, сделает Якушев после того, как она его поцелует? Опять обзовет Харей и пойдет рассказывать всему классу, до чего эта самая Харя докатилась? Галочка представила, как мерзко ржет Сашка Вербицкий, страшный насмешник, циник и язва, и подушка под ее головой взмокла. Девушка перевернула ее на другую, сухую и прохладную сторону и принялась мечтать дальше. А что, если «дать» – это значит позволить Кольке поцеловать ее, Галочку? При таких мыслях она даже привстала с постели, потому что все тело ее охватила такая страшная и одновременно сладкая дрожь, что лежать, эдак дрожа, было невыносимо. Галочка нахотлила плечи, обхватила руками колени, обтянутые тонкой тканью ночной рубашки, и облизнула горячие губы, которые непонятным образом вдруг так припухли, будто Якушев поцеловал их уже раз десять.

Прометавшись в постели часов до пяти утра, свернув при этом простыню в безобразный клубок, Галочка с трудом оторвала голову от подушки, когда прозвенел будильник. В результате головной боли, которая сразу и безжалостно сдавила ей виски ввиду первого в жизни серьезного недосыпа, вместо общей тетради, в которой она решала задачи к предстоящему экзамену по физике, Галочка сунула в портфель свой «альбом» с «Пророком» и цитатой из Крупской. Очень уж у этих тетрадей были похожие обложки. Писчебумажная промышленность в те годы не утруждала себя разнообразием.

Не успела заспанная девушка вытащить из портфеля тетрадь, якобы по физике, как ее выхватил местный хулиган и насмешник Вербицкий.

– Я только задачу спишу, – миролюбиво провозгласил он, плюхнулся на сиденье парты рядом с Галочкой и открыл тетрадь. Увидев красиво переписанного «Пророка», Сашка в удивлении пожал плечами и всего лишь машинально перевернул страницу с бессмертными строками Александра Сергеевича. Понятно, что там он напал на не менее бессмертную фразу о поцелуе без любви. Вербицкий хмыкнул уже более громко, потом препротивно хихикнул, а затем вдруг обратился к классу.

– Тут вот наша Харя утверждает... – начал он. Галочка вскочила с места и попыталась отнять свою тетрадь, но не тут-то было. Сашка ловко вывернулся из ее слабых рук, единым духом перемахнул средний ряд парт, вскочил с ногами на собственную, отвел руку с тетрадью в сторону, другую – картинно и эдак кругло выбросил вбок и продолжил: – Так вот: наша Харюша считает, что лучше умереть, чем поцеловаться! А? Каково? Что вы думаете на этот счет, девчонки?

Девчонки прежде всего захихикали, кто как умел: кто тоненько и услужливо (Сашка был ничего себе парнем, симпатичным и высоким), кто громко и зло, а первая красавица Люся Скобцева, смерив Галочку презрительным взглядом, без всякой улыбки, что было особенно убийственно, сказала:

– Конечно, ей лучше умереть, потому что кто ж станет с Харей целоваться!

Последние слова Скобцовой потонули во всеобщем хохоте. Побледневшая Галочка хотела было отказаться от этой тетрадки: пусть кто-нибудь попробует доказать, что это она писала! У самой злыдни Люськи почти такой же аккуратный и круглый почерк. Русачка Анна Матвеевна всегда путается в их работах... Да, Галочка хотела отказаться, но не стала. Сашка ведь вытащил тетрадь прямо из ее рук.

– Не, а если серьезно, – не удовлетворился заявлением Люськи Вербицкий. – Девки, неужели и впрямь лучше умрете, чем... Давай-ка мы с тобой... – и он повернулся к Скобцовой, – поцелуемся, а, Люськ! Любви промеж нас нет, значит, вполне можем проверить теорию нашей Хари.

Галочке хотелось выкрикнуть, что выкладка вовсе не ее и что она вообще написала это так просто... для юмора... а вовсе не для поцелуев, но ничего такого сделать не успела. Скобцева вдруг как-то странно улыбнулась, бросила быстрый взгляд на Якушева, в некоторых отношениях с которым уже давно подозревалась коллективом, неожиданно и очень ловко вскочила

на парту к Сашке, обняла его за шею и прижалась губами к его губам. Похоже, что бравый насмешник Вербицкий растерялся: выронил Галочкину тетрадь и даже не обнял Скобцеву для приличия хотя бы за талию. Люська оторвалась от губ Сашки, с независимым видом спрыгнула с парты на пол, одернула задравшийся черный передник школьной формы и как ни в чем не бывало уселась на свое место на первом ряду у окна. Затихший класс одновременно перевел глаза на Кольку Якушева. Его лицо сделалось багровым. Он зачем-то подергал себя за породистый прямой нос, забросил уже выложенные на парту тетради и учебники в старенький порывелый портфель и с прямой независимой спиной вышел из класса.

– Пдмш... – бросила ему вслед нечто, состоящее из одних согласных, Люся Скобцева, но все перевели правильно – «Подумаешь!».

Сашка Вербицкий так и стоял на парте, а Галочка Харина возле него в тот момент, когда в класс вошел физик Иван Клементьевич.

– Эт-т-т-та-а-а еще штт-т-та-а-а такой-а-а-а?! – прогудел шалыпинским басом физик, наткнувшись взглядом на Сашку, который до того очумел, что никак не мог догадаться спрыгнуть на пол.

– Это на него столбняк напал, Иван Клементьевич, – пропела Скобцева и оборотилась к Вербицкому с совершенно непонятым выражением круглого розового лица.

– Это я... – неожиданно вдруг ожила Галочка.

– Что «ты»?! – удивился физик.

– Я это... мы... в общем... шутили... понимаете... тетрадку мою на шкаф забросили... – Галя показала зажатый в руках «альбом». – А Вербицкий... он... в общем, достал... Спасибо, Саша, – выжала из себя Галочка и пошла к своей парте.

– Ерунда какая-то... – пробурчал Иван Клементьевич. – Прямо дети малые...

Он взгромоздился за кафедру, с которой любил вести уроки, а Вербицкий наконец спрыгнул на пол. Физика пошла своим чередом. Галочка осторожно вырвала из коричневой тетради «Пророка» сомнительную сентенцию про поцелуй, безжалостно скатала смятые листы под партой в тугой комок, засунула в портфель и принялась выводить на чистом клетчатом поле условие задачи, которую уже записывал на доске физик, яростно постукивая кусочком мела.

Все уроки Галочка просидела за партой, не отрывая взгляда от ее черной скользкой поверхности, и даже не выходила на перемены в коридор. Каждому учителю, который порывался выпроводить ее из класса, она жаловалась на головную боль, и ее оставляли в покое. Все то время, что не была поглощена русским и английским правописанием, окислительно-восстановительными реакциями, законами Менделя и тригонометрическими функциями, Галочка внутренним взором продолжала видеть то слившихся в поцелуе Скобцеву и Вербицкого, то взбешенное багровое лицо Якушева и ничего не могла понять.

Все в том же состоянии недоумения и растерянности она шла из школы домой. За углом продовольственного магазина ее поджидал Вербицкий. Галочка испуганно вскрикнула, когда Сашка неожиданно вынырнул перед ней. Бросив быстрый взгляд по сторонам, одноклассник увлек девушку в нишу между дурно пахнущими гнилью полуразвалившимися овощными ящиками и в лоб спросил:

– Ну и что ты по этому поводу думаешь?

– Что? – переспросила Галочка, потому что от испуга соображала плохо.

– Что-что!! – зло выдохнул ей в ухо Вербицкий, и девушка почувствовала на своей шее его горячее дыхание. – Что лучше: поцеловаться без любви или... ну... в общем... сама понимаешь, да?

Галочка не понимала. Она мелко-мелко дрожала, прижавшись к ящику, отвратительно пахнущему гнилым луком.

– Че тебя трясет-то?! – наконец заметил Сашка. – Ни разу, что ли, не целовалась?

Девушка смогла только помотать головой из стороны в сторону, что означало – не целовалась.

– Ну... так, может, попробуем? – предложил Сашка и несколько криво улыбнулся.

Галочка замотала головой еще отчаянней, а из правого глаза даже почему-то выползла предательская, как пишут в книгах, слеза. Девушке не хотелось целоваться с Вербицким. Все, что ей представлялось в сладких мечтаниях прошлой ночью, никак не было связано с разгильдяем и насмешником Сашкой. Но того уже совершенно не интересовало мнение Хариной насчет поцелуев без любви и с любовью. Он весь школьный день в упор рассматривал Гальку Харю и к шестому уроку вдруг сделал интересный вывод о том, что она очень даже ничего себе. Да, она была несколько высоковата по сравнению с другими одноклассниками, но Вербицкий и сам лилипутом не являлся.

И вот сейчас Сашка видел, что закипающие слезами глаза Галочки находятся все-таки на уровне его носа. Это было вполне приемлемо и, наверное, удобно. Когда Люська Скобцева обняла его в классе на слегка покачивающейся из стороны в сторону парте, ему пришлось склониться к ней чуть ли не в три погибели. С Хариной этого делать не надо будет. Кроме того, у Гальки, к большому удовольствию Вербицкого, не имелось таких арбузных грудей, которые, как ни крути, все-таки не нравились ему у признанной красавицы Скобцевой. Он вообще не любил, когда чего-то где-то было с перебором. Получалось, что у Хари, которую никто из парней и за женский пол-то не держал, все как раз в меру: стройное долгое тело без тучных трясущихся излишеств в определенных местах, абсолютно не завитые белокурые волосы, заплетенные в свободную, чуть разлохматившуюся косу, огромные голубые глаза и розовые нежные губы.

Вербицкий решил, что очень удачно зажал Харю между ящиками, одним сильным движением привлек к себе и прижался к ее холодным губам. Он и сам не мог предположить, что его так тряхнет от этого насильно вырванного у девушки поцелуя. Ошеломленный и растерянный полученным впечатлением, Вербицкий разжал руки, и Галочка выскочила из вонючей ниши, свалив при этом пару ящиков. Сашка трясущимися руками зачем-то поднял эти ящики, возвратил их на законное место, потом привалился к грязному стеллажу и глубоко задумался. Выходит, и впрямь поцелуй без любви и с любовью – они разные. Со Скобцевой он ничего не почувствовал, кроме чужих слюней на своих губах. После того, что произошло между ним и Харей... Впрочем, какая же она Харя... Она Галя... Галина... Галка... Да-а-а... Между ними что-то произошло... Но что же это было? Неужели это и есть любовь, когда вот так трясет и даже вышибает скупую мужскую слезу? Нет... Не может быть... Еще минут пять назад никакой любви не было и в помине. Он просто хотел слегка поддразнить Харю... А тут вдруг накатило...

Вербицкий передернул плечами, поднял кургузый воротник старого школьного пиджака и повернул к своей улице. Он уже знал, что теперь будет думать о Гале Хариной постоянно. Он ощущал на своих губах привкус чего-то сладко-медового.

А сама Галочка между тем со всех ног бежала к дому. Коса ее окончательно разлохматилась, белые прядки прилипли к разгоряченному лицу. Она без конца проводила ладонью по губам, чтобы стереть с них Сашкин поцелуй, который он у нее украл, вырвал, насильно отобрал. Этот ее первый поцелуй вовсе не должен был принадлежать ему. Галочка хранила его для другого. Конечно, этот другой, похоже, и не собирается с ней целоваться, но... это ничего не значит. Девушка собиралась хранить ему верность всю оставшуюся жизнь.

Каково же было удивление Галочки, когда на подоконнике подъезда напротив дверей ее квартиры она обнаружила того, кому только что поклялась хранить верность до гроба. Колька Якушев, завидев запыхавшуюся встрепанную Харину, прыгнул с подоконника и встал перед ней, загородив проход.

– Ну! – пробасил он, прогнав из одного угла рта в другой уже порядком изжеванную спичку. – И зачем вы с Сашкой все это устроили?!

– Что устроили... – без всякого вопроса в голосе прошептала Галочка, поскольку почему-то подумала, что Якушев интересуется ее поцелуем с Вербицким в грязной нише между овощными ящиками.

– А то! Тетрадошки! Поцелуйчики! Вы специально Скобцеву на эту комедию подбили? Чтобы класс надо мной поржал, ведь так?! Сашка давно к Люське клинья подбивает!

– Клинья... – повторила за ним Галочка, которая совершенно не понимала, о чем он говорит. Перед ней стояла ее мечта – кареглазый черноволосый Колька – и произносила какие-то слова. Ей было все равно, какие. Лишь бы говорил, лишь бы стоял рядом, лишь бы она могла смотреть в его глаза и таять от непонятного чувственного восторга. Ей казалось, что вот-вот, еще немного – и она взлетит под пыльный потолок своего подъезда.

– В общем, так! – Колька возвратил ее на весьма нечистый кафельный пол. – Раз все вышло из-за твоей дурацкой тетрадки, ты должна будешь мне помочь!

Галочка ткнула себя тощеньким кулачком в грудь, что должно было означать «я??». Говорить она еще была совершенно не в состоянии.

– Именно ты!

Девушка разлепила недавно впервые поцелованные губы и едва слышно спросила:

– Как я могу тебе помочь?

– Очень просто! – Колька рубанул рукой воздух. – Если Скобцева с Вербицким думают, что я буду рыдать оттого, что они нагло целуются на глазах у всего класса, то сильно ошибаются. Мне плевать на Скобцеву!!

При этих его словах Галочка почувствовала, насколько ему не наплевать, но Якушев продолжал дальше:

– А потому мы с тобой сделаем вид... – Колька как-то странно дернул подбородком и закончил фразу: – Будто у нас с тобой тоже... это... любовь, в общем...

Несмотря на то что именно любви больше всего и хотелось Галочке, именно с Колькой Якушевым хотелось, она все-таки нашла в себе силы, чтобы спросить:

– Похоже, мое желание тебя не интересует?

Колька презрительно сощурился и ответил:

– Представь, не очень! Я могу и к другой девчонке подвалить, но думаю, что, если стану гулять с тобой, Люське это будет... в общем, как рыба кость посреди горла...

Галочка вдруг рассмеялась, нервно и громко:

– То есть ты предлагаешь мне поработать рыбной костью?

– А что? Тебе кто-нибудь предлагает работенку получше?! – быстро нашелся Якушев.

Галочка, которая только что еле-еле оттерла рот от поцелуя Вербицкого, подумала, что Сашка больше не посмеет к ней приблизиться, если с ней рядом постоянно будет Якушев. Что ж! Ей, конечно, хотелось настоящей любви с Колькой, а не лицедейской, но... одноклассник прав: разве у нее есть выбор?

– Хорошо, я согласна изображать с тобой... – девушка споткнулась на сакраментальном слове, – любовь... Но только на людях...

– Само собой, – тут же согласился Колька и даже улыбнулся Галочке. Красиво так... и не зло... – В общем, слушай сюда: завтра с утра я захожу за тобой, и мы идем в школу... в общем... за ручку... Договорились?

– Может быть, не надо сразу уж так... за ручку? – робко спросила Галочка. – Все же сразу поймут, что мы нарочно...

Колька в задумчивости куснул яркую губу и сказал:

– Да... пожалуй, ты права... Будем изображать постепенное развитие наших отношений. Так оно правдоподобнее! – Якушев улыбнулся девушке еще живописнее, слегка пристукнул ее по плечу, как своего парня, и, уже спускаясь вниз по лестнице, крикнул ей: – А ты ничего! Соображаешь!

Надо ли говорить, что в этот день Галя Харина с трудом приготовила уроки, постоянно отвлекаясь и мысленно переносясь обратно в подъезд собственного дома, где они заключили с Колькой Якушевым сомнительный договор. Ночь опять выдалась беспокойной. Уже второй раз за весьма непродолжительный промежуток времени она металась по смятой постели, мечтая, как деловое соглашение в конце концов перерастет в настоящую большую любовь на всю жизнь. Часам к четырем в ее разгоряченном мозгу уже даже замаячили внуки, которых они с Якушевым, состарившись, обязательно будут брать к себе на выходные. О Сашке Вербицком Галя Харина не вспомнила ни разу.

Утром следующего дня Якушев опять поджидал Галочку на подоконнике. У девушки быстро-быстро заколотилось сердце и сделалось сухо и шершаво во рту. Колькино сердце, видимо, стучало в самом обычном режиме, и водный баланс молодого могучего организма ничуть не нарушился, а потому он легко спрыгнул на пол и, приветственно махнув Галочке рукой, побежал вниз, перескакивая сразу через три ступеньки. Тяжелую дверь подъезда девушке пришлось открывать самой, потому что мысль о помощи у одноклассника не возникла. Рыбья кость в чужом горле – на то и рыбья кость, чтобы не думать о ней больше насущно необходимого.

– Ближе! – прошипел Якушев, когда трепещущая Галочка пошла рядом с ним по центральной улице, ведущей напрямик в школу № 1 имени Владимира Ильича Ленина. – Ближе, говорю, ко мне подойди! А то можно подумать, будто каждый из нас идет сам по себе!

Галочка нехотя повиновалась. У нее от волнения все еще сохли губы. Она их поминутно облизывала, но они снова пересыхали.

Когда из-за угла соседнего дома показались одноклассники Кольки и Галочки, Якушев вдруг очень театрально расхохотался и продекламировал на все улицу:

– Смешную я тебе историю рассказал, да?!!

Девушка вздрогнула, с трудом изогнула губы в некоем подобии улыбки и пролепетала:

– Да...

Она не смотрела на одноклассниц, но всем существом чувствовала их взгляды на своей спине. А Колька вдруг склонился к Галочке близко-близко и шепнул в ухо:

– В общем, так. Я сейчас буду молоть всякую ерунду, а ты, уж будь любезна, хохочи во все горло.

– Я... я не умею во все... – выдохнула она.

– Тогда как можешь! Ясно?!

Галочка кивнула, и Якушев принялся травить анекдоты, старые и несмешные, из чего девушка сделала вывод, что он все-таки тоже здорово волнуется, хотя и старается не показывать вида. Его дурацким шуткам она деревянно подхихикивала, как на новогоднем празднике в пятом классе, когда должна была по сценарию изображать смешного разбитного поросенка. После того Нового года Галочке больше не давали роли со словами. Ей разрешали участвовать только в танцах безмолвных снежинок. Теперь вот досталась роль хихикающей рыбной кости. Какой-никакой, а все же прогресс.

В школьном гардеробе Колька неожиданно помог ей снять пальто и даже собственноручно повесил его на вешалку. Свой черный бушлат, который подарил ему старший брат, вернувшийся со службы на Черноморском флоте, Якушев взгромоздил не где-нибудь, а поверх Галочкиного пальто. Казалось, будто бушлат и пальто висят обнявшись.

– В общем, ты без меня сегодня домой не уходи! – Колька объявил это Галочке так громко, чтобы было слышно не только в гардеробе, но и в просторном вестибюле школы.

Именно в этот момент в гардероб вошла Люся Скобцева, держа перед своей пышной грудью новое клетчатое пальто. Якушев вынужден был добавить, глядя Хариной в глаза:

– После уроков сразу идем в парк, как договорились! Хорошо?

Галочка уже ничего не хотела: ни в парк, ни в класс. Она с большим удовольствием испарилась бы сейчас из школьного гардероба серой дымной струйкой, но вспомнила не только данное Якушеву слово, а еще и Сашку Вербицкого, который, возможно, теперь будет считать, что имеет на нее, Галочку, какие-то особенные права.

– Хорошо, – довольно тихо пробормотала она, но, увидев в проходе между вешалок Вербицкого, добавила уже уверенно, как народная артистка Советского Союза:

– Конечно, Коля! Ты же обещал покатасть меня на колесе обозрения!

Стоит отметить, что Григорьевск славился своим горсадом культуры и отдыха. Он занимал приличную площадь, был оформлен клумбами, беседками и гипсовыми статуями строителей социалистического общества. Городок аттракционов имел несколько видов качелей, каруселей, комнату смеха и самое настоящее огромное колесо обозрения. С верхней точки, на которую поднимались его качающиеся кабинки, было видно весь Григорьевск и даже соседнюю деревушку Началовку. Пригласить девушку в отдельную кабинку колеса обозрения было равносильно объяснению в любви.

Колька Якушев аж поперхнулся, когда Галочка во всеуслышание объявила о колесе. Относительно Хари его планы так далеко не простирались. Он всего лишь хотел слегка проучить Скобцеву, но лицо Люси так выразительно побагровело, что Якушев мысленно даже поблагодарил Гальку за сообразительность и, проходя мимо Скобцевой, очень задушевно сказал:

– Конечно, покатаемся, Галя! В общем, буду ждать тебя в гардеробе, а сейчас мне надо срочно сгонять в кабинет химии!

В кабинете химии Кольке делать было абсолютно нечего, но он находился на четвертом этаже школы, а потому добираться до него долго, и можно будет появиться в собственном классе только со звонком. Таким образом, ему, Николаю Якушеву, не надо оказывать Харе знаки внимания хотя бы до начала уроков.

Колька мгновенно испарился из гардероба, а Галочке пришлось идти мимо Люськи, которая так и стояла, привалившись к загородке и прижимая к себе модное дорогое пальто. Харина уже почти миновала застывшую Скобцеву, когда та вдруг ожила, пребольно ухватила одноклассницу за локоть, резко дернула к себе и спросила, сузив почти черные глаза, красиво обрамленные длинными и загибающимися вверх ресницами:

– И как это понимать?

– Что именно? – спросила дрожащим голосом Галочка.

– Что у тебя с Якушевым?! – выдала очередной вопрос Люська.

– Так... вот решили прогуляться в парке...

– Прогуляться, значит...

Глаза Скобцевой горели такой ненавистью, что Галочка даже испугалась. Не слишком ли они с Колькой зарвались? Ей уже хотелось сказать, что все это ерунда, которая ничего не значит, но она вдруг увидела прямо перед собой Вербицкого, глаза которого тоже горели неслабо, и выпалила сразу и Люське и Сашке:

– Да! Прогуляться! Имеем право!

Галочка потом не могла объяснить себе, откуда в тот момент в ней взялись силы противостоять Скобцевой и Вербицкому, но она резко вырвала свой локоть из цепких Люськиных пальцев и, гордо подняв голову, прошла к выходу из гардероба мимо Сашки.

Как минимум четыре человека из 11-го «Б» в этот день с большим трудом внимали школьным наукам. Скобцева отказалась отвечать на английском, за что получила жирный «кол» в журнал. Колька Якушев не смог решить простенький тригонометрический пример. Сашку Вербицкого выгнали с биологии, поскольку он на глазах у учителя с «наглой физиономией» ощипывал листья у чайной розы, только что окрепшей после нападения какой-то особо вредоносной мучнистой тли. Галочку, к счастью, не спросили ни по одному предмету, и она

мучительно отбывала школьную повинность перед еще более мучительной – походом в парк вместе с Колькой Якушевым. Все перемены девушка просиживала в библиотеке, бездумно листая подшивки «Комсомольской правды», и даже не пошла в столовую, хотя у нее был оплачен абонемент на ежедневный обед, состоящий из первого, второго и пончика с компотом.

После уроков она хотела было улизнуть от Якушева, расторгнув таким образом договор в одностороннем порядке, но Колька, одетый в свой бушлат, уже ждал у гардероба, держа в руках ее простенькое серенькое пальто.

Галочка резко вырвала свое пальто из рук «поклонника». Еще не хватало, чтобы Якушев принялся помогать.

В полном молчании они вышли из школы и отправились в сторону парка.

– Может, тебе еще какой-нибудь анекдот рассказать? – наконец робко проронил Колька.

– А может, мы зря все это затеяли? – проигнорировала вопрос об анекдоте Галочка.

– Ничего не зря! Видела бы ты Люськины глаза, когда она на нас с тобой смотрела!

– Я видела, что она очень несчастна...

– А какого черта тогда целовалась с Вербицким?! Вот ты мне скажи, Галка, стала бы ты целоваться с другим, если бы... словом... ну... ты меня понимаешь...

Галочка понимала. Она тоже уже поцеловалась с Сашкой, хотя была влюблена в другого. Но Вербицкий ее принудил, а Люську никто не заставлял. Люська, безусловно, виновата, а потому...

– А ты и правда собрался прокатиться со мной на колесе? – несколько не в тему спросила Галочка.

– А что тут такого?! – как можно независимей проговорил Якушев, который понимал, что общественное мнение после такого катания свяжет его с Харей навсегда.

– Понимаешь, я вообще-то... боюсь...

– Чего боишься? – не понял Колька.

– Высоты боюсь. Меня родители однажды попытались прокатить на этом колесе, но, как только мы чуть приподнялись от земли, я так разрыдалась от страха, что аттракцион даже пришлось остановить, представляешь?

– Так это когда было-то?

– Ну... лет в семь...

– Ерунда! Теперь тебе понравится, вот увидишь! Побежали!! – И он зачем-то взял Харю за руку и потянул к аттракциону, который «заводил» известный всему Григорьевску инвалид Иваныч.

Бедная Галочка дрожала как былинка на ветру, во-первых, оттого, что ее взял за руку сам Колька Якушев, а во-вторых, она действительно боялась высоты. Девушка никак не могла понять, зачем сама предложила Якушеву это дурацкое колесо. И кто ее потянул за язык?!

Поскольку стоял конец апреля, городок аттракционов только-только начал свою работу, и жаждущих острых ощущений было еще маловато. На колесо обозрения купили билеты двое парнишек лет одиннадцати и Якушев с Галочкой.

– Давай, Иваныч! – крикнул инвалиду Колька, когда они с Харей сели друг против друга в дребезжащую кабинку, прикрытую прилично проржавевшей крышей.

Галочка сразу вцепилась в поручень, разделяющий две утлые дощатые скамеечки, с такой силой, что костяшки пальцев мертвенно побелели. Она уставилась прямо в глаза Кольке, надеясь на то, что перед ним никак не сможет ударить в грязь лицом.

И зря. Как только кабинка, качнувшись, поехала вверх, в животе у Галочки похолодело и возле самого горла начало копиться нечто необъяснимое, обещая непременно вылиться в душераздирающий вопль.

– Э-э-э!! Галь!! Ты что?! – тут же заметил неладное Якушев. – Неужели и впрямь так боишься?

У нее не было сил даже кивнуть. Она поднималась в воздушную пучину в скрежещущей и раскачивающейся во все стороны люльке и понимала, что это конец. Конец всему: ей, Кольке и ее, Галочкиной, к нему любви. Кабинка между тем поднималась все выше и выше, начал задуть ветер, который внизу совершенно не ощущался. Лицо девушки выражало такой смертельный ужас, что Колька по-настоящему испугался.

– Э-э-э-э! Галька! Ты не того... Ты держись... Я сейчас... – И Якушев решился на смертельный номер. Он поднялся со своей скамеечки и начал прямо на крутом подъеме перелезть через поручень на скамеечку к Галочке, а она не смогла даже посторониться, чтобы ему было сподручней.

Инвалид Иваныч глядел вверх на воздушный пируэт Якушева с таким же смертельным ужасом на лице, как у бедной одиннадцатиклассницы Гали Хариной. При этом он уже прикидывал, куда его смогут взять на работу, если пацан скovyрнется с эдакой верхотуры и расплющится прямо у его ног. Выходило, что если куда и возьмут, так только под стражу и прямиком в кутузку.

А парнишки-недомерки с восхищением следили за Колькой, прикидывая, как они будут завтра рассказывать об этом происшествии всему классу, а на перемене даже смогут указать перстом на храброго верхолаза.

Кабинка, в которой выделявал воздушные кренделя Якушев, между тем опасно накренилась. Иваныч решил, что его, пожалуй, и в кутузку не повезут, а поставят к стенке прямо у кассы городка аттракционов, потому что Колькина девка сейчас вылетит из кабинки первой самого Кольки, увеличив, таким образом, количество трупов до двух человек.

Когда нога Якушева соскользнула с поручня, на котором он хотел угнездиться, Иваныч спрятался за дверцу своей каморки, из которой осуществлял общее руководство колесом обозрения, чтобы не быть свидетелем собственно падения. Он уже тренировался, как пойдет в полную несознанку: ничего не видел, ничего не слышал, парень совершенно неожиданно взял да и сиганул вниз, видать, от несчастной любви. Или, к примеру, его могла и девка выбросить. Мало ли... он к ней под юбку через поручень полез...

Поскольку звука падения услышать так и не довелось, предсмертные крики в каморку тоже не долетели, Иваныч позволил себе осторожно выглянуть из-за дверцы, после чего немедленно успокоился и даже решил, что обязан распить после работы чекушку для успокоения чересчур расшатавшихся нервов.

А Колька Якушев и сам не знал, как умудрился подтянуться на руках за острый край ржавой крыши кабинки и очень удачно плюхнуться на скамейку ровнехонько рядом с Харей, которая даже не подумала сдвинуться хотя бы на миллиметр. Колька с невероятным трудом отцепил заострившиеся пальцы Гальки от поручня и притянул девушку к себе. Она моментально прижалась к нему и спрятала лицо на груди. Это Якушеву очень даже понравилось. Он быстренько расстегнул свой моряцкий бушлат и его полами, как черными крыльями, укутал одноклассницу со всех сторон. Она дрожала и билась на его груди, а он гладил ее по волосам и приговаривал:

– Ну чего ты, Галька... все же хорошо... Мы уже верхнюю точку прошли, сейчас снижаться будем.

При этих его словах Галочка задрожала еще сильнее, ибо до самой верхней точки не поднималась даже с родителями. Кольке пришлось обнять ее еще крепче. Холодный висок девушки неожиданно оказался около губ Якушева, и ему ничего не оставалось делать, как легонечко коснуться ими нежной кожи презируемой всеми парнями Хари. А где один раз – там и другой, а потом как-то сами собой отыскались девичьи губы, слегка припухшие и соленые от слез. А потом уже сама Галька вдруг обвила Колькину шею руками, и они слились в общем долгом поцелуе. Кабинка в этот момент уже практически опустилась вниз, и Якушев, одной рукой обнимая Харю, другой рукой делал выразительные знаки Иванычу, чтобы тот запустил

свой жутко дребезжащий агрегат по второму разу. Иваныч был настолько рад тому, что вместо двух трупов под колесом обозрения имеет в наличии обыкновенную влюбленную парочку, прокатил Кольку с Галочкой вместо одного еще целых два раза. Малолеткам тоже перепало от щедрот Иваныча.

Само собой, что после такого необыкновенного аттракциона Галочка с превеликим трудом выбралась из кабинки. Ее болтало из стороны в сторону, и Кольке пришлось срочно приобнять девушку за талию. Так они и шли по парку: Галочка – опустив глаза долу и все еще трепеща от переизбытка впечатлений, а Якушев – обнимая ее за талию и периодически целуя в висок.

Кольке собственная роль неожиданно очень понравилась. В глазах Хари он выглядел самым настоящим, смелым и решительным мужчиной, который запросто может то, чего не могут чувствительные девушки. Не все, конечно, а некоторые. Вот если вспомнить предательницу Люську Скобцеву, так та вообще никогда и ничего не боялась. На самой верхотуре колеса обозрения она любила вскакивать со скамеечки, забираться на нее с ногами и при этом еще горланить какую-нибудь боевую комсомольскую песню. А Харя... она такая нежная... Впрочем, почему вдруг Харя? Придумал же какой-то идиот... Она не Харя... она Галя... Галочка... Ну и пусть высока ростом! Что в этом плохого? Наоборот... удобно...

В этот момент Колька завел Галочку в заросли сирени, которая ввиду теплой погоды уже выпустила первые листочки. И в этой кружевной светло-зеленой аллее принялся целовать девушку куда придется: в щеки, шею, губы. Какое-то время Галочка пыталась уклоняться от его поцелуев, потому что была уже на твердой земле, чувство животного страха ее давно отпустило, и в Кольке она как бы уже и не очень нуждалась. Прямо скажем, что длилось сие уклонительство весьма недолго. Девушка решительно выдохнула и вся поддалась якушевским поцелуям. Они целовались долго, страстно и не знали того, что из-за разных кустов сирени за ними внимательно наблюдали две пары глаз. Когда мимо Галочки с Колькой с визгом пробежали попутчики с колеса, молодые люди оторвались друг от друга и в большом смущении, стараясь не касаться друг друга даже краем одежды, побрели к выходу из парка.

– Выходи, Вербицкий! Я тебя видела! – чересчур звонким от напряжения голосом крикнула Люся Скобцева и первой вышла из-за своего куста на аллею. – Следишь, значит?!

– Ага! – отозвался Сашка. – Как и ты.

– Ну и что скажешь?

– А чего бы ты хотела от меня услышать? – мрачно проронил Вербицкий, одновременно кляня себя за то, что вчера слишком быстро позволил Хариной выбраться из ящичной неволи. Вон она как долго может целоваться! И чего он вчера не довел дело до логического конца?

Сашка плохо представлял, каким должен бы быть логический конец, но теперь совершенно ясно видел, что до него явно не довел. Вот Якушев – он сейчас проводит Галю до дома и все, что надо, доведет до того, до чего надо...

– Ну... может, и мы с тобой еще разок поцелуемся? – предложила Скобцева, с прищуром глядя на Вербицкого красивыми черными глазами.

– Да пошла ты... – сквозь зубы бросил ей Сашка, презрительно сплюнул и пошел напрямом сквозь кусты к другому выходу из парка.

Ошеломленная, униженная и брошенная сразу двумя молодыми людьми Люся Скобцева, первая красавица и модница школы № 1, осталась стоять одна в кружевных кустах оживающей весенней сирени. По ее лицу текли злые слезы, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Ну, погоди, Харя! Ты еще свое получишь! Погоди, Вербицкий! Ты еще узнаешь, что бывает с теми, кто отказывается от Люси Скобцевой! И Колька... Колька... Она, Люся, ведь всего только и хотела, чтобы он немножко приревновал ее к Сашке, чтобы их любовь пресной не казалась, а он... И с кем?! С Харей!! Да как можно к этой длинной и тощей жердине прикасаться?

Противно ведь! Прямо не девушка, а бесполое существо: ни тебе груди, ни бедер! Сплошной ноль во всех местах! Впрочем, ясно! Конечно же, Колька просто решил отомстить за поцелуй с Вербицким... Он даже с истории после этого ушел... Но ведь это же была всего лишь шутка... Ведь если бы не шутка, то они целовались бы с Сашкой совсем в другом месте... Совсем в другом... Не значит ли это... Нет! Не может быть, чтобы Колька вдруг взял да и влюбился в Харю! Это же невозможно! Можно влюбиться в кого угодно, только не в Харю!

На следующий день выяснилось, что Колька Якушев если и не влюбился в Харю, то очень сильно заинтересовался ею. Во всяком случае, все перемены подряд он болтал с Хариной, сидючи с ней рядом на скамейке в холле первого этажа возле гардероба. Вообще-то дежурные гоняли школьников с первого этажа на другие, но кто возьмется выгнать выпускников! Они сами кого хочешь выгонят. Да и учителя смотрели сквозь пальцы на то, что Николай Якушев и Галина Харина беседуют в неположенном месте. Все понимали: никаких «амуров» они не крутят, потому что Харина – девушка очень невидная, следовательно, Якушев обсуждает с ней какое-нибудь совместное комсомольское поручение.

Люся Скобцева знала, что это за «поручение». Она видела, как эти двое запойно целовались в сиреновой аллее. А еще она проследила за ними вчера и видела, как Колька вошел вслед за Харей в ее подъезд. Ясно же, что там они продолжили начатое в парке. Сашка Вербицкий вчера повел себя безобразно, но Люся решила временно наступить на горло своей гордости и опять обратиться к нему.

Вербицкий был обнаружен в кабинете математики, из которого ни под каким видом не желал выходить на перемену, и продолжал с ожесточением на лице решать один за другим примеры из учебника алгебры для восьмого класса. Люся плюхнулась рядом и выхватила у него из рук учебник.

– Э! Тебе чего? – спросил он, с явным раздражением глядя в лицо первой красавицы школы.

– Того! – Люся с громким хлопком закрыла учебник и потребовала, чтобы дежурная Таня Мышакова немедленно перестала драить доску и вышла в коридор, поскольку у них с Вербицким очень серьезный разговор, не предназначенный для чужих ушей, будь они даже ушами дежурной по классу.

– Подумаешь... – процедила Таня и с презрением на лице удалилась.

– Я предлагаю тебе сделку, – начала Скобцева, сверля Сашку своими почти черными глазами.

– Ну и? – развалившись на парте, спросил он.

– Давай сделаем вид, что мы с тобой вчера целовались на парте не просто так!

– А как?

– А так – будто у нас с тобой самая настоящая любовь!

Вербицкий присвистнул, но ничего не спросил, а потому Люсе пришлось говорить дальше без всяческого поощрения с его стороны.

– В общем, мне нужно, чтобы Якушев меня приревновал, ясно? – сказала она, слегка покраснев оттого, что приходится открывать этому дураку все свои карты.

Сашка громко расхохотался, и лицо Скобцовой запылало самым настоящим маковым цветом. Что себе позволяет этот болван? Смеяться над ней, самой красивой девушкой в школе, в то время когда любой другой на его месте...

– Чего ржешь?! – грубо спросила она.

– А тебе не кажется, дражайшая Люси, что Якушеву с некоторых пор нет до тебя никакого дела?

– Не кажется!! – упрямо выкрикнула она. – Подумаешь, целовался с Харей! И что?! Это же Ха-а-а-ря!!! Да Кольку же все поднимут на смех!

– Пока что-то не поднимают.

– Так никому даже в голову не приходит, что между ними что-то серьезное! Все думают, что они просто разговаривают...

– Но мы-то с тобой все точно знаем! Впрочем... – Сашка отнял у Люси учебник, открыл нужную страницу и, прежде чем опять углубиться в примеры, лениво спросил: – Выкладывай, чего задумала-то.

Скобцева покусала губки, которые от этого стали густо-малиновыми, и сказала чистую правду:

– Честно говоря, Сашка, я хочу их разлучить...

Вербицкий неожиданно захлопнул только что открытый учебник и отозвался:

– Представь, я хочу того же самого!

– Как? – растерялась Люся. – Почему?

– А потому что мне нравится Галя...

– Харя? – на всякий случай решила уточнить Скобцева.

– Она самая. Но если ты еще раз назовешь ее Харей, то очень сильно об этом пожалеешь.

Бедная первая красавица школы № 1 не знала, что и думать, и тут уж взялся говорить Вербицкий:

– В общем, так: если ты придумаешь, каким образом можно оторвать Якушева от Гали, – я в этом деле твой первый помощник! А изображать с тобой любовь не собираюсь, так как пользы от этого не вижу никакой!

Некоторое время очередной раз ошеломленная Люся сидела, не в силах произнести ни одного слова, а потом, когда она уже и могла бы что-нибудь сказать, прозвенел звонок, и класс начал заполняться. Скобцева поднялась с Сашкиной парты и пошла на свое место, с которого хорошо просматривалась входная дверь. Мерзкая Харя, порозовевшая и даже несколько похорошевшая, зашла в класс чуть ли не самой последней. След в след за ней протиснулся Якушев и, прежде чем пойти к своему месту, успел Хариной что-то шепнуть, от чего она покраснела еще больше.

Люся проводила Харю глазами, пытаясь разобраться, что нашли в ней два первых парня их класса, и не находила ничего. Белокурая невыразительная косчонка, тошенькие щечки и костлявое долгое тело в старенькой школьной форме со штопаными-перештопанными рукавами. Черный сатиновый передник со смятыми крыльями обтягивал почти плоскую грудь. На ноги в простых темно-коричневых чулках Харя надела смешные мальчишковые баретки. На ее длинные ступни нигде не нашлось приличных девичьих туфель. Вот интересно, в чем она припрется на выпускной? У Люси к этому торжественному дню уже было готово платье из голубоватого капрона на шелковом белом чехле. Впрочем, сейчас надо думать о другом. Вчера в парке она хотела изничтожить Якушева с Вербицким, сегодня уже отчетливо понимала, что главное зло оказалось в смешной и ничтожной Харе! Нейтрализовать надо именно ее. Только вот как? Ну... для начала надо хотя бы поставить ее в смешное положение... Разве можно любить того, над кем все смеются?

Следующим за математикой уроком была физкультура. В Люсином напряженно работающем мозгу кое-что забрезжило...

Ввиду теплой погоды физкультура проходила на улице. Харя выбежала на школьный стадион в вылинявшей синей футболке. Такие же старые тренировочные штаны сзади были густо и отвратительно испачканы чем-то липко-коричневым. Люся Скобцева очень постаралась, чтобы Харина уселась шнуровать физкультурные тапки именно на скамейку, которую она измазала коричневым пластилином. Поскольку скамейка и без того была крашена коричневой краской, а лучи солнца падали из окна раздевалки прямо на пластилин, он несколько подрастопился и практически слился с цветом скамейки.

Когда физрук недовольным голосом спросил: «Харина, чем вы испачкали форму?» – а бедная Харя схватилась рукой за липкую коричневую массу, 11-й «Б» грянул богатырским хохотом. Громче всех смеялась, разумеется, Люся Скобцева. Еще бы! Надо было видеть, как пятилась к раздевалке совершенно уничтоженная Харина, брезгливо оттопырив измазанную руку. Когда она скрылась за дверью, Люся нашла взглядом Якушева. Он тоже пытался улыбаться, но улыбка выходила кривая и вымученная. Скобцовой она все равно понравилась. Было бы хуже, если бы Якушев остался серьезен или бы вдруг сделался зол. Колька не смог противопоставить себя классу. Зато Вербицкий смог. Он смотрел на Люсю с выражением такой ярости на лице, что девушка даже немного испугалась, но тут же взяла себя в руки. Когда одноклассники сгруппировались возле песочной ямы, куда собирались прыгать в длину, Скобцева специально подошла почти вплотную к Вербицкому и сквозь зубы сказала:

– В нашем с тобой общем деле все средства хороши!

Сашка не отзывался, только смачно и далеко цыкнул слюной в песочную яму.

Галочка мучилась дома с физкультурными штанами. Сначала проклятый пластилин никак не хотел отдираться, а потом совершенно не желал отстирываться даже в горячей воде, которую она специально согрела в большой суповой кастрюле. В конце концов ветхая ткань стала разезжаться прямо в руках, и она поняла, что до конца года больше не сможет ходить на физкультуру. Родители вряд ли раскошелятся на другие штаны, потому что этот самый кошелек и без того тощ, а физкультуры до конца Галочкиной учебы в школе уже осталось уроков шесть, не больше. Для того чтобы получить хорошую отметку в аттестат, кроме зачета по прыжкам в длину, надо было еще сдать кросс на пятьсот метров. Придется договариваться с физруком, чтобы он разрешил ей как-нибудь сдать все отдельно от класса и... в платье...

Надо сказать, что даже физкультурная трагикомедия не смогла окончательно испортить хорошее Галочкино настроение, поскольку ее мысли от испорченных тренировок постоянно улетали в ту самую небесную высь, где ее вчера вдруг начал целовать Колька Якушев. Колька? Нет, конечно... Коленька... Ее, Галочкин, Коленька... Она сначала не хотела поддаваться, чтобы он не подумал, что она какая-нибудь... А потом поддалась. Во-первых, на верхотуре колеса обозрения ей было очень страшно, а во-вторых... Во-вторых, она давно мечтала оказаться в объятиях Якушева. И ведь оказалась! Как же тут было не поддаться? Якушев, кстати, мог отказаться целоваться с ней, когда они уже ступили на твердую землю, но ведь не отказался! Он целовал ее в тенистой аллее еще жарче и горячее, а в подъезде даже нечаянно... конечно же нечаянно... дотронулся рукой до ее груди, когда пальто как-то само собой распахнулось.

Галочка вспомнила странное ощущение прилива жара к каждой клеточке тела, связанное с этим Колькиным прикосновением. Это, конечно, стыдно, но ей хотелось бы, чтобы он еще раз положил свою руку ей на грудь. Нечаянно, конечно, потому что – кто же делает эдакое специально!

Грудь у нее, конечно, не очень... Вот сегодня она специально смотрела на красавицу Скобцеву, когда та переодевалась на физкультуре. На Люсе был надет красивый атласный лифчик, внутри чашечек которого покоилась такая красивая и большая грудь... такая... что...

Галочка подскочила к зеркалу, скинула халатик, в котором стирала свои несчастные штаны, а потом и белую хлопчатобумажную маечку. Да, до Люськи ей, конечно, далеко, но нельзя сказать, что у нее вообще в этом месте ничего нет. Вот же она, грудь: маленькая, конечно, по сравнению со скобцевской, но неплохой формы, аккуратная. Галочка положила ладони на свою аккуратную грудь, и ее опять обдало жаром, будто от прикосновения Якушева. Девушка закусила губку и скинула беленькие трусики. Вот же она вся – Галочка. Все у нее на месте, как надо. Она даже немного похожа на Венеру... какого-то художника, которую как-то видела в одном художественном альбоме. Та Венера как бы выходит из раковины и вся такая же длинненькая и белокурая, как сама Галочка. Вот Люська Скобцева очень странно смотре-

лась бы в той раковине со своей огромной грудью, а она... А что, если бы Якушев увидел ее такой вот, как Венера... Галочка слегка склонила голову набок, легонько прикрыла грудь одной рукой, а низ живота – другой. Выходило очень похоже.

Именно в этот момент раздался звонок в дверь. Галочка вздрогнула и заметалась по комнате, пытаясь сообразить, что лучше всего накинуть на голое тело. Выходило, что лучше всего надеть все тот же халат, потому что ничего другого под руки все равно не попадалось. Маечку с трусиками она быстренько затолкала ногой под родительскую кровать с кружевным подзором.

К большому удивлению и смущению Галочки, на пороге стоял Якушев и улыбался тоже весьма смущенно.

– Ты вот ушла... – начал он. – Я подумал, что ты расстроилась...

При виде возлюбленного молодого человека девушка даже не могла уже вспомнить, отчего она должна была расстраиваться, когда в ее жизни все так замечательно. Коля сам к ней пришел, она его ничем не заманивала, значит, он... У Галочки даже сердце защемило от того, что она подумала про Якушева. Неужели он тоже... Неужели и он...

– Войти-то можно? – спросил Колька, и девушка посторонилась, чтобы он вошел. Как же здорово, что дома никого нет, даже соседей. Все ушли на работу во вторую смену, а значит, никто им с Якушевым не помешает. Никто ничего не скажет и, главное, ничего плохого не подумает.

– Ну так... как ты? – опять спросил Якушев. – Ты, главное, забудь про эту физру, потому что все уже забыли. Всегда кажется, что все только и делают, что о тебе думают, а на самом деле у всех своих забот хватает.

Галочка хотела спросить, какие же у него, Кольки, заботы, но он сам сказал:

– Я вот все размышляю, куда лучше ехать поступать, в Москву или в Ленинград? Ты что на этот счет думаешь?

Галочка ничего не думала, потому что поступать в институт не собиралась. Не то чтобы не хотела, нет... Она намеревалась для начала годик поработать у отца в бригаде, чтобы заработать денег для семьи и отблагодарить таким образом родителей за то, что разрешили ей доучиться в школе до одиннадцатого класса. Соседской Любке, например, родители не разрешили, и она ушла на завод сразу после окончания семилетки.

– Я не знаю, – честно сказала Галочка. – Мне вообще не хотелось бы, чтобы ты уезжал...

Безусловно, Кольке было понятно, почему ей этого не хотелось, но он все-таки спросил:

– Почему?

Галочка покраснела всем лицом и шеей и почти шепотом ответила:

– Ты же знаешь...

Конечно же, Якушев догадывался, а потому эдак бочком подобрался к Галочке поближе и осторожно ее обнял. Она сразу захлестнула его шею руками, и они начали целоваться так же страстно, как вчера на колесе обозрения, как в парке на аллее и, главное, как в темноте подъезда. Несмотря на то что в квартире было светло, молодые люди чувствовали себя как в темноте подъезда. Никого рядом не было. Только они одни. И рука Якушева, конечно же, опять оказалась на груди Галочки. Конечно же, не случайно. И она уже понимала, что не случайно, но ей хотелось именно этого. И так кстати под тоненьким халатиком больше ничего не было, и Колька мог наконец удостовериться, что Галочкина грудь хоть и много меньше Люськиной, но тоже очень даже ничего и здорово похожа на грудь той Венеры, с картины... Девушка даже вспомнила фамилию художника – Боттичелли.

Якушев же, видимо, тоже вспомнил картину Боттичелли или что-то в таком же роде, потому что уже расстегивал на Галочке пуговицы халатика... чтобы, значит... сравнивать...

Девушка поначалу пыталась оттолкнуть его руки, но они уже все сделали, все расстегнули и теперь ласково гладили ее наливающееся жаром тело. Галочка удивлялась, что ей совершенно не стыдно. Вот с грязными штанами на физкультуре – это да, это противно, гадко и стыдно...

А то, что Колька своими теплыми руками касается ее сосков, живота... это вовсе не стыдно... это приятно... это сладко до боли...

Якушев вдруг поднял ее на руки и опустил на ту самую родительскую кровать, под кружевным подзором которой валялись белые маечка и трусики. Как же вовремя Галочка их скинула. А Колька вдруг начал целовать ее грудь. Девушке даже не приходило в голову, что можно делать еще и это. Оказывается, ничуть не хуже поцелуев в губы. Оказывается, это еще горячее, еще сладостней, оказывается, от этого теснится уже не только в сердце, а уже где-то в животе... и даже еще ниже... И когда Колькина рука оказалась между ног девушки, она уже была готова к тому, что от этих его прикосновений ей станет еще лучше. И ноги ее сами собой раздвинулись в стороны, чтобы возлюбленному было удобнее.

Когда Якушев вдруг тоже начал раздеваться, Галочка немножко удивилась. Зачем бы? С другой стороны, может быть, ему тоже будет приятно, если и она станет целовать его без одежды.

Некоторые части тела Якушева оказались несколько не такими, какими Галочка видела их у мужчин, изображенных на репродукциях художественных альбомов, где она, собственно, и познакомилась с Венерой Сандро Боттичелли. Пожалуй, девушка даже испугалась того, что Колька оказался устроенным не совсем так, как классические образцы. У тех все было как-то мельче и вертикальнее. Кроме того, разоблачившись, Якушев еще и резко переменялся в приемах, которыми одаривал Галочку: стал как-то грубее и даже циничнее. Когда девушка вскрикнула от боли, он и не подумал прекратить процесс дальнейшего проникновения в ее лоно, а даже будто сошел с ума, потому что стал делать ей все больнее и больнее, при этом резко и громко задышал и как-то странно забился над ней.

Наконец Галочка изловчилась и оттолкнула от себя мучителя. Якушев, закрыв глаза, как-то странно отпал от нее на спину, и девушка с ужасом увидела, что он весь в крови. Более того, на прилично смятом белом пикейном покрывале родительской постели расплывалось небольшое, но тоже кровавое пятно. Бедной Галочке даже не пришло в голову, что это ее собственная кровь. Якушев не подавал никаких признаков жизни, а потому она решила, что он неожиданно обо что-то острое внутри ее поранился и теперь скорее мертв, чем жив. Она так душераздирающе вскрикнула, что «мертвец» тут же ожил и даже закрыл ей рот ладонью, поскольку побоялся, что на этот вопль непременно сбегутся все соседи.

– Совсем сдурела! – сказал он ей грубо.

– Но ведь кровь... – свистящим шепотом еле выговорила Галочка.

– Так всегда бывает в первый раз.

– То есть... это так всегда у мужчин?

– Ну и дура же ты, Галька! – расхохотался Якушев. – Неужели вы с девчонками никогда ничего такого не обсуждали?

Галочка, с которой вообще никто никогда ничего такого не обсуждал, промолчала, продолжая с ужасом разглядывать уже слегка побуревшее кровавое пятно. Якушев посмотрел на нее с некоторым испугом, прикрылся собственной майкой и опять спросил:

– То есть ты даже не понимаешь, что кровь – твоя?

– Моя? – еще больше ужаснулась девушка.

– Только вот не надо прикидываться изнасилованной невинностью! – вскричал Колька, резко вскочив с постели и уронив при этом на пол свою майку. «Изнасилованная невинность» с удивлением рассматривала его мужское достоинство, наконец приблизившееся по размерам и конфигурации к образцам из художественных альбомов. Якушев отыскал под ногами свои трусы, быстро сунул в них ноги, натянул их за резинку на положенное место и опять обратился к Галочке: – Имей в виду! Я тебя не насиловал! Ты сама на все согласилась и вообще была уже почти голой, когда я к тебе пришел! – Знаменитым жестом Владимира Ильича он указал на ее обнаженную грудь и добавил: – Не будешь же ты этого отрицать?

Галя Харина медленно покачала головой. Все так и было. Когда пришел Колька, на ней был всего лишь полустегнутый халатик, надетый на голое тело, а ласк и поцелуев Якушева просило не только ее сознание, но и все как-то враз истомившееся тело.

– А что ж ты думала... – опять начал Колька, поскольку Галочка, похоже, окончательно потеряла дар речи. – Ты будешь меня соблазнять, а я потом – отдувайся?

– Я ничего такого не думала, – наконец разлепила губы девушка.

Колька надел брюки, рубашку и трикотажную безрукавку. Испачканную кровью майку смял в комок и засунул в глубокий карман своего бушлата, подняв его с пола, и глубокомысленно изрек:

– Вот! А надо было думать! Ну... в общем... я пошел, значит...

Галочка смотрела на него с таким изумлением, что Якушеву стало неловко. Он уже почти убедил себя в том, что Харина сама во всем виновата, но глаза девушки все еще были полны такого ужаса, что он вынужден был опять присесть к ней на кровать и сказать тоном старшего брата:

– Ничего страшного не случилось. Ты стала женщиной – только и всего. Это со всеми когда-нибудь случается. А эту тряпку... – Колька показал на испачканное покрывало, – застираешь, да и все! Никто ничего не узнает – вот увидишь!

После такой убедительной речи он даже потрепал Харину по обнаженному плечу, потом смачно чмокнул в щеку, еще раз сказал:

– Ну... я пошел... – И действительно пошел.

Когда лязгнул замок захлопнувшейся входной двери, Галочка поняла, что осталась одна со своим горем. Похоже, что неожиданно разгоревшаяся к ней любовь Якушева так же неожиданно закончилась. Вот вам – умри, но не давай поцелуя без любви! С любовью, оказывается, тоже не все можно позволять. Особенно если любовь только с одной стороны, а с другой... А что же такое было с другой? Галочка не знала, как называлось то, что испытывал к ней Колька. Зато она знала точно, что он больше никогда к ней не подойдет. Она к нему тоже. Она вообще никогда больше не приблизится ни к одному индивиду мужского пола. Она теперь знает, что они делают с девушками, и ей жаль всех тех дурочек, которые об этом даже не догадываются. Галочка видела, какими больными глазами на них с Якушевым смотрела Скобцева, понимала, что именно Люся испортила ей физкультурную форму, но теперь даже жалела соперницу. Еще бы! Люська наверняка думает, что Якушев будет ее только в губки целовать, а он...

Галочка слезла с родительской постели, сгребла в комок пикейное покрывало и пошла его застирывать. Она провозилась с ним весь вечер, суша над плитой, а потом еще и утюгом, но оно все равно оставалось еще влажным, когда родители вернулись с работы.

– Я пролила вам на постель чай, – пришлось сказать девушке. – Стирала вот... еще не до конца просохло...

Уставшая мать беззлобно пожурила ее и развесила покрывало досыхать на два стула, а отец так и вовсе ничего не сказал. Ему наплевать было на покрывало и на пролитый чай.

В этот вечер Галочка долго не могла заснуть. Она без конца прислушивалась к себе. Несмотря на то что некоторое количество ее собственной крови пролилось на пикейное родительское покрывало, никакой боли в том, интимном месте она не испытывала. Болело у нее в другом... Вернее сказать, она никак не могла определиться с тем, где болело. Выходило, что она болела как бы вся. В груди было тяжело и тоскливо. Она, Галочка, обманулась и испачкалась в чем-то таком, что гораздо хуже подтаявшего пластилина. Кроме того, ей почему-то казалось, что эта ужасная история непременно будет иметь какое-то нехорошее продолжение. Девушка не знала, какое, но уже заранее тревожилась и нервничала.

А на физкультуру она, пожалуй, больше не пойдет. Без кросса и прыжков в длину у нее в аттестате вместо пятерки получится четвертак. Ну и что? Ей же не нужна медаль... ни золотая, ни серебряная... Ей вообще больше ничего не нужно, потому что ничего хорошего в жизни

ждать уже не приходится. Они с родителями жили довольно трудно и бедновато, и Галочка, начитавшись русской и зарубежной классики, очень рассчитывала на любовь, которая приподнимет ее над мрачной действительностью и унесет в заоблачные выси личного счастья. Вот оно какое – личное счастье! Не надо ей больше ничего, похожего на эту любовь. Да и не любовь это, а...

Снились Галочке ожившие музейные статуи, голые и белые. Они все хотели от нее того же самого, что и Якушев. Девушка пыталась убежать от них, но ноги, как это иногда бывает в снах, сделались ватными и непослушными. Правда, и статуи двигались как-то слабовато и Галочку не догнали, но проснулась она в поту и совершенно обессиленной, будто по-настоящему бежала от голых мраморных мужчин все пятьсот метров.

В школу идти не хотелось. И она бы не пошла, но аттестат, как ни крути, нужно получить. Хорошо, что учиться осталось уже меньше месяца.

Колька Якушев за весь школьный день не посмотрел в сторону Галочки ни разу. Ей и не надо было, чтобы он смотрел, но на нее постоянно пялились другие: Вербицкий и Скобцева. Выражение Сашкиного лица Галочке было непонятно, а на Люсином – четко читались торжество и большое моральное удовлетворение. Галочке же опять было жаль ее. Она, Люська, еще ничего не знает... наивная...

Когда Галя Хариная шла с уроков домой мимо продуктового магазина, Сашка Вербицкий опять умудрился втянуть ее в нишу между пустыми грязными ящиками. Он пытался ей что-то сказать, но Галочка не слушала. Ее так трясло от ужаса и омерзения, что парень замолчал и отпустил рукава ее вязаной кофты, на которую девушка сменила свое страшненькое пальто ввиду весеннего тепла. Галя неслась от Вербицкого домой так быстро, что физрук непременно вывел бы ей пятерку в аттестате.

А потом для Гали Хариной начался сущий кошмар. Несколько раз ее ловили в темной подворотне дворовые хулиганы и говорили странные вещи.

– Ты же всем даешь! – противным липким голосом шептал ей на ухо Федька Потапкин, гроза и ужас Галочкиной улицы, а его вечный подпевала и оруженосец Гога Гусь при этом отвратительно ржал и делал непристойные жесты.

Каждый раз Галочке везло: в подворотне появлялся кто-нибудь из взрослых, и мерзавцев как ветром сдувало. Сначала девушка даже не очень понимала, что им надо и что такое она всем дает. Потом ее вдруг осенило: она поняла, что Колька Якушев кому-то рассказал, что произошло между ними. Наверняка какому-нибудь близкому другу, а тот проговорился. Нельзя даже представить, чтобы Якушев обсуждал детали их свидания с Гогой и Потапкиным.

Потом она научилась остерегаться и оглядываться. Если где-нибудь поблизости маячили Федька с Гусем, она обязательно поджидала кого-нибудь из взрослых и входила в подворотню или подъезд собственного дома только вместе с ними. Ей некому было пожаловаться, потому что никому нельзя рассказать то, что с ней произошло. Да и чего жаловаться, если действительно сама во всем виновата. Она вообще старалась думать о происшествии как можно меньше, но забыть не могла, потому что темная голова Якушева маячила перед ней на каждом уроке. А после школы он опять всюду гулял со Скобцовой. Галочка не ревновала. Ее любовь к нему вытекла вместе с той маленькой лужицей крови, осквернившей родительскую постель.

Люся выглядела довольной, уверенной в себе и проходила мимо Галочки, если, конечно, случалось, как мимо неодушевленного стенда с показателями успеваемости. Галя нисколько не обижалась, а только жалела ее. По всему видно, что Скобцева еще (как выражаются эти мерзкие выродки) – «не дала» Якушеву, потому такая и счастливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.